

27. Попов, А. НКВД и партизанское движение / А. Попов. – М. : ОЛМА-Пресс, 2003. – 383 с.

28. Басюк, І. А. Пачатковы перыяд Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі / І. А. Басюк. – Гродна : Гродзен. дзярж. ун-т, 2003. – 237 с.

29. Верхаўскай, Б. Грамадзянскае насельніцтва і вайна: што рабіць рабочаму і селяніну ў часе вайны ў паласе баявых дзеянняў / Б. Верхаўскай. – Выд. 20-е, выпр. і пашыр. – Менск : Выд. Аргагіт-прапсекцыі ЦС Асавіяхіму БССР, 1929. – 134 с.

30. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 1105.

31. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 6966.

32. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 4799.

33. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 5110.

34. Водный транспорт к VII съезду советов СССР / Нар. ком. вод. транспорта. – М. : Гострансиздат, 1935. – 68 с.

35. Тюльпанов, А. И. Краткий справочник рек и водоемов БССР / А. И. Тюльпанов, И. А. Борисов, В. И. Благутин ; под ред. А. И. Тюльпанова. – Минск : Госиздат БССР, 1948. – 626 с.

36. Теляков, В. А. Земля и небо рядом: 80-летию Гражданской авиации Республики Беларусь посвящается / В. А. Теляков. – Минск : Кавалер, 2013. – 294 с.

УДК 930(470)«20»:94:327.7(4L47+57)«1918-1939»

Н. Н. Мезга

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины, г. Гомель

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОСТИ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье дана характеристика современной российской историографии, которая посвящена проблеме устойчивости Версальской системы международных отношений. Установлено, что в российской историографии, господствующей является концепция, согласно которой при создании Версальской системы в нее были заложены неразрешимые противоречия, предрешившие ее непрочность. В противоречиях Версальского

международного порядка российская историография находит предпосылки возникновения Второй мировой войны.

Вторая половина 1930-х годов характеризовалась кризисом и распадом Версальской системы международных отношений. Для исторической науки на сегодняшний момент актуальным остается вопрос в какой степени этот процесс предопределил возникновение Второй мировой войны. Важно также выяснить, какие факторы предопределили неустойчивость Версальской системы, столь быстрое ее вступление в период кризиса и распада. В данной статье поставлена цель охарактеризовать состояние современной российской историографии по проблеме устойчивости Версальской системы международных отношений.

В российской историографии конца XX – начала XXI в. преобладает точка зрения об изначальном наличии в Версальской системе острых противоречий, которые обуславливали ее нестабильность. В этом плане современные российские историки во многом продолжают традицию своих советских коллег. Примером может служить статья В. Л. Малькова в вышедшей в 1998 г. коллективной монографии «Первая мировая война: пролог XX века» [1, с. 202]. Другой российский автор А. С. Манькин дает характеристику Версальской системе как в целом «самой недолговечной и непрочной модели организации мирового сообщества» [2, с. 37]. Б. М. Туполев обосновывает идею, согласно которой Версальский мирный договор стал предвестником Второй мировой войны [3, с. 38, 43]. В 12-томной истории Великой Отечественной войны акцент делается на том, что Версальско-Вашингтонская система не устранила и не могла устранить глубоких межгосударственных противоречий. Такое положение объясняется тем, что она была создана и использовалась в интересах наиболее сильных держав-победительниц – Великобритании, Франции и США. Авторы названного исследования считают, что лидеры данных государств были озабочены не установлением более гармоничных международных отношений, а сохранением и укреплением геостратегических позиций только своих стран. Учрежденный ими новый мировой порядок основывался на силе, а потому был крайне неустойчив, носил переходный характер и таил в себе угрозу нового глобального конфликта [4, с. 128].

Авторы работы «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации» констатировали: «Так или иначе, Первая мировая война породила полную противоречий Версальскую систему» [5, с. 474]. По мнению Е. Ю. Сергеева, неизбежные упущения «отцов-основателей» и неискоренимые слабости этой системы были обу-

словлены комплексом факторов как объективного, так и субъективного характера. Он пишет, что при формировании нового международного порядка происходило столкновение концептуально несопоставимых взглядов и амбициозное соперничество политических лидеров ведущих держав в «период глобального перехода к индустриальной цивилизации, сопровождавшегося национальными движениями и революционными катаклизмами, которые находили все более широкий отклик в колониальных и зависимых странах». Это, по его мнению, обусловило наличие в Версальской системе глубоких противоречий и в определенном смысле ее гибридной характер [6, с. 244, 245]. Е. Ю. Сергеев считает, что в рамках Версальской системы ее создателями была предпринята попытка совместить несколько трудносовместимых принципов. К таковым он, на пример, относит права государств отстаивать свои международные интересы, а наций – добиваться государственного суверенитета. Невозможность устранения коренных противоречий нового мирового порядка компромиссным путем явилась долговременной глубинной причиной возникновения Второй мировой войны [6, с. 239].

С конца 1990-х гг. в работах российских авторов отчетливо звучит положение, согласно которому неравноправие различных государств в рамках Версальской системы с момента создания делало ее неустойчивой. Как пишет В. Л. Мальков, изначально планы устройства «вечного мира» подрывало прежде всего вопиющее противоречие между декларированным равноправием народов в рамках нового, справедливого для всех мирового порядка, и реальной, бросающейся в глаза дискриминацией целого ряда стран по идеологическим, политическим, морально-правовым и экономическим мотивам [7, с. 614–615]. По его мнению, утверждение новых принципов международных отношений, провозглашенных в Версале, оказалось чрезвычайно затруднено уже тем, что две ведущие державы, Германия и Советская Россия, не были допущены в новую организацию безопасности. К тому же постоянно нарушалось древнеримское правило «договоры должны соблюдаться, а взятые на себя обязательства – выполняться» [7, с. 624].

При этом отчетливо прослеживается влияние на позицию российских исследователей того времени внешнеполитического положения, в котором находилась Россия после распада СССР. Это заметно и в используемой терминологии. Так, В. Л. Мальков к числу проблем, порождавших противоречия Версальской системы, относит «двойные стандарты и стремление главных триумфаторов раз и навсегда решить собственные проблемы за счет побежденных». Автор отмечает, что «бесславный конец» Версальской системы «невольно вызывает ошеломля-

ющие параллели с событиями “текущей политики“, с эпилогом истории XX» [1, с. 202]. Особый акцент В. Л. Мальков делает на исключении России из числа государств, которые определяли характер Версальской системы. Он пишет, что в Версале была заложена «роковая отчужденность» между Москвой и Западом (Советскую Россию не пригласили на конференцию). А договор в Рапалло как бы подтверждал позицию сторонников жесткой линии на Западе, что Россия главная угроза для малых государств на востоке Европы [1, с. 204, 205]. Положение, согласно которому нестабильность Версальской системы во многом была связана с дискриминацией России при ее формировании, В. Л. Мальков повторяет и в коллективной монографии «Мировые войны XX века» [7, с. 615–616].

Влияние политической ситуации конца XX в. прослеживается и в положениях, в которых В. Л. Мальков характеризует роль малых стран Европы, выполнявших роль «санитарного кордона» по отношению к Советской России. Он считает позицию их правительств по вопросам европейской безопасности непоследовательной, а порой и авантюрной [1, с. 202–203]. Согласимся с мнением российского автора И. Э. Магадеева, что в современной российской историографии существует привязка оценок Версальской системы «к восприятию историками текущей международной и внутривосточной ситуации и “государственных интересов” России» [8, с. 56].

Авторы работы «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» в 12 т., характеризуя роль России при создании Версальско-Вашингтонской системы, отмечают, что устроители Парижской мирной конференции и международной конференции в Вашингтоне решились подвести итоги войны не только без участия Германии, остававшейся все же одним из сильнейших государств мира, но и России, которая, несмотря на революционные потрясения, была одной из главных сил, предпринявших победу Антанты. Более того, авторы названного издания считают, что создатели нового международного порядка заняли по отношению к России крайне враждебную позицию и тем самым поставили под вопрос правомерность всех принятых ими решений [4, с. 138].

В. А. Зубачевский также указывает на присутствие в Версальской системе антироссийской составляющей. Он пишет, что эта система была построена без учета интересов России и побежденных стран, которым навязали совершенно кабальные условия и тем самым посеяли семена новых конфликтов [9, с. 126].

Е. Ю. Сергеев отстаивает положение, согласно которому любая

попытка формирования бесконфликтного миропорядка без участия самой большой по территории и одной из наиболее крупных по населению мировых держав, каковой являлась Советская Россия, не могла не окончиться фиаско. В качестве причин, в силу которых создатели Версальской системы не привлекли к этому процессу Россию, он называет «тот хаос, который царил на территории бывшей царской империи, а также стремление поставить любое российское правительство, которое одержало бы победу в кровавой внутренней междоусобной борьбе, перед свершившимся фактом, заставив его принять на себя обязательства как участника новой международно-правовой системы» [6, с. 242].

К числу дестабилизирующих факторов Версальской системы российские историки относят изменение роли России на международной арене после Первой мировой войны. Данное обстоятельство связывается с появлением идейного антагонизма между Советской Россией и западными державами. Он создавал серьезные препятствия для их взаимодействия в рамках единой системы международных отношений [5, с. 466].

Другая великая держава, ущемление интересов которой, по мнению большинства российских историков, делало Версальскую систему неустойчивой – это Германия. Определенные нюансы при оценке положения Германии в рамках Версальской системы прослеживаются в исследованиях Б. М. Туполева. Признавая, что Версальский договор был для Германии тяжелым, он в то же время отмечает, что Германия все же сохранилась тогда как великая европейская держава, и Версальский договор в сравнении с военными целями Германии в Первой мировой войне и мирным урегулированием после Второй мировой войны, был еще относительно мягким [3, с. 38, 43]. А. О. Наумов в своей монографии, изданной в 2007 г., отмечал, что на основе национального унижения ряда государств и народов (имеются в виду Германия и ее союзники по Первой мировой войне и Советская Россия) была создана Версальская Европа [10, с. 12]. А. А. Ахтамзян считает, что «материальные причины конфликта Германии с Западом заложены именно в Версале», что «версальский статус Германии» «привел ко Второй мировой войне» [11, с. 9, 19].

Авторы монографии «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации», указывая на тяжелые условия Версальского договора для Германии, которые создали основу для германского реваншизма, с другой стороны, отмечают, что Версальский договор сохранил базу для восстановления великодержавных позиций Германии

[5, с. 471, 473]. В этом же издании сделан вывод, что в ряде случаев полное игнорирование мнения «побежденных» народов ставило под угрозу весь процесс политического урегулирования после Первой мировой войны [5, с. 479].

Российские историки при рассмотрении вопроса устойчивости Версальской системы обращаются к проблеме европейского равновесия. Это вполне обосновано, ибо устойчивость любой системы международных отношений в решающей степени зависит от баланса сил, прежде всего между великими державами. Авторы монографии «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации» как раз и отмечают, что стабильность системы зависела от соотношения сил держав и их способности обеспечить в ее рамках собственные интересы [5, с. 459]. В. И. Михайленко и Т. П. Нестерова считают, что одним из главных недостатков послевоенного урегулирования было то, что версальский порядок не был всеобъемлющим. Из него «выпадали» два крупнейшие государства – Россия и США, без которых обеспечение стабильности в Европе к середине XX века было уже невозможно. Великие европейские державы – Франция и Великобритания – восстановили многополярную структуру европейских отношений приблизительно в той форме, которая казалась им идеальной [12, с. 78].

В современной российской историографии отмечается, что создать устойчивый баланс сил оказалось невозможным в силу крушения одной из традиционных опор европейского равновесия, каковой в рамках Венской системы являлась царская Россия. Утрата этой опоры грозила подрывом стабильности формирующейся после Первой мировой войны системы международных отношений [5, с. 466]. На ряду с Россией и США не стали опорой равновесия в рамках Версальской системы. Отсутствие в качестве опор равновесия нового мирового порядка двух названных держав делало его неустойчивым [13, с. 165].

При выявлении причин неустойчивости Версальской системы акцент делался и на неурегулированности ряда территориальных вопросов после Первой мировой войны. В. Л. Мальков в одной из своих работ в 1998 г. указывал на наличие большого количества территориальных споров между малыми странами «на почве агрессивного роста национализма» как на одну из основных причин неустойчивости Версальской системы [1, с. 202]. В дальнейшем указанный автор сделал вывод, что во время формирования Версальской системы отсутствовала нормативно-правовая база, которая позволяла бы обосновать права наций и национальных меньшинств, не нарушая суверенитета и территориальной це-

лостности государств. Меры, предусмотренные Версальским договором, по мнению В. Л. Малькова, оказались недостаточными, чтобы сдержать этносепаратизм и использующего его потенциального агрессора [7, с. 618].

В. И. Михайленко и Т. П. Нестерова видят важный фактор неустойчивости Версальской системы в том, что Европа после Версаля оказалась территорией, разбитой на несколько десятков маленьких, отгородившихся друг от друга таможенными стенами рынков и рынков. Часто политически неприязненные друг другу новые малые государства остро соперничали и в экономической области, полностью сосредоточившись на собственных хозяйственных трудностях и не пытаясь их преодолеть совместными усилиями [12, с. 78].

В первую очередь, по мнению российских историков, территориальные проблемы были характерны при создании Версальской системы для Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы. Это явилось следствием распада существовавших здесь до Первой мировой войны империй и образования ряда новых государств. В данном регионе неустойчивость Версальского порядка определяется как наиболее очевидная, указывается, что заключенные в результате войны договоры не принесли здесь стабильности [13, с. 468]. В. Л. Мальков также отмечает роль малых государств Центральной и Юго-Восточной Европы в дестабилизации Версальской системы. Прежде всего он указывает на т. н. буферные государства, которые легко переходили от самообороны к агрессии и, самоутверждаясь, порой создавали ситуацию не менее взрывоопасную, чем противоречия между великими державами [7, с. 617].

В работе «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации» важная роль в дестабилизации Версальской системы также отводится политике государств Центральной и Юго-Восточной Европы. Авторы названного издания указывают, что соперничество вновь созданных государств, а также отсутствие четких критериев определения границ привело к череде военных конфликтов в регионе [5, с. 468]. Е. Ю. Сергеев видит большой конфликтный потенциал в «клубке противоречий между странами, образовавшимися на развалинах Австро-Венгерской, Российской и Османской империй [6, с. 244].

Российские историки приходят к заключению, что наличие территориальных споров имело под собой объективную основу и создателям Версальской системы сложно было решить эту проблему. По мнению В. Л. Малькова, Версаль четко показал, что найти приемле-

мое для всех решение вопроса о границах на основе «общей этнической родословной», что наличие территорий со смешанным населением приводило к тому, что, где бы ни пролегла граница, сотни тысяч людей оказывались в «чужом» национальном государстве. По мнению авторов указанного исследования, «национальный» аспект послевоенного урегулирования «был так же противоречив и непрочен, как и все остальные его аспекты». Неизбежное несовпадение государственных границ с этническими в «послеверсальской» Европе создало многочисленные очаги скрытой напряженности, смягчить которую Лига Наций была бессильна. Национальная неоднородность новых государств была одной из «мин замедленного действия», заложенных под фундамент новой модели международных отношений. Она сработала и была в полной мере использована гитлеровской Германией и ее союзниками в период кризиса Версальской системы [5, с. 493, 495–496].

И. С. Яжборовская обращает внимание на роль Советской России в деле дестабилизации ситуации в Центральной Европе. Она пишет, что Советская Россия оказалась вне Версальской системы, и послевоенные задачи Европа решала без нее, усиливая ощущение обделенности, потери своего прежнего ареала влияния и престижа. А это уже создавало почву для конфликта Советской России с соседями, подрывая теоретические установки на реализацию в отношении вновь воссоздаваемых государств Центрально-Восточной Европы принципа права наций на самоопределение и обостряя проблемы установления новых границ [14, с. 55–56].

Некоторые российские исследователи определяют систему международных отношений, сложившуюся в Европе после Первой мировой войны, как Версальско-Рижскую, указывая при этом на Рижский договор как на дестабилизирующий фактор послевоенного международного порядка. Так, М. М. Наринский отмечает, что обычно систему международных отношений, сформировавшуюся после Первой мировой войны, называют Версальско-Вашингтонской. По его мнению, с некоторой долей условности ее европейскую подсистему можно назвать Версальско-Рижской, в полной мере учитывая ее неустойчивость и нестабильность [15, с. 49].

Таким образом, в современной российской историографии господствует концепция, характеризующая Версальскую систему как неустойчивую и нестабильную. Она не является принципиально новой по отношению к советской историографии, но был отброшен классовый подход при определении характера отношений между государствами. С неустойчивостью Версальской системы российские исто-

рики связывают возникновение Второй мировой войны. Фактически, современная российская историография в оценках Версальской системы отталкивается от факта возникновения Второй мировой войны и стремится найти преемственность между двумя мировыми войнами. Поиск истоков второй из них ведет к тому, что Версальская система рассматривается с акцентом на ее нестабильность, на нарастание в ней кризисных явлений.

Неустойчивость Версальской системы связывается российскими историками с несколькими факторами. Отмечается несовпадение декларируемого стремления создать международный порядок справедливый для всех с эгоистической политикой основных создателей Версальской системы. Они, опираясь на силу, стремились зафиксировать в рамках нового международного порядка прежде всего свои интересы. Подрывала устойчивость Версальской системы дискриминация в ее рамках ряда государств: Германии и ее союзников, России. Причем по отношению к России акцент все больше делается на антироссийские устремления создателей Версальской системы независимо от того, какие политические силу окажутся там у власти по итогам Гражданской войны. По мнению современных российских историков, исключение Германии и России из числа центров силы в рамках Версальской системы ее создателями, отказ США взять на себя роль фактора равновесия в ее рамках привели к тому, что это равновесие оказалось крайне неустойчивым. В результате под вопрос была поставлена стабильность нового международного порядка.

Важным дестабилизирующим фактором Версальской системы, согласно современной российской историографии, стали территориальные и межнациональные конфликты, прежде всего в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе. При этом российские историки, с одной стороны, ведут речь о «двойных стандартах» создателей Версальской системы при решении территориальных проблем и реализации права наций на самоопределение. А с другой, отмечают объективные сложности, которые делали практически невозможным бесконфликтное решение данных проблем.

Следует отметить влияние политического фактора при характеристике современной российской историографией Версальской системы. Это проявляется в усилении в последнее время в исследованиях тезиса об антироссийской направленности политики Запада в связи с созданием Версальской системы, что во многом обусловило нарастание в ней кризисных явлений.

Источники и литература

1. Мальков, В. Л. Версаль и его уроки. Российский взгляд / В. Л. Мальков // Первая мировая война: пролог XX века. – М. : Наука, 1998. – С. 202–210.

2. Манькин, А. С. Системность в международных отношениях: содержание, причины формирования и этапы развития / А. С. Манькин // Введение в теорию международных отношений. Уч. пос. / Отв. ред. А. С. Манькин. – М. : МГУ, 2001. – С. 11–41.

3. Туполев, Б. М. Роль Версальского мирного договора в происхождении Второй мировой войны / Б. М. Туполев // Вторая мировая война: уроки истории для Германии и России. Материалы международной научной конференции (Кемерово, 23–25 сентября 2005 г.) / Под ред. Ю. В. Галактионова. – М. : Российские университеты, 2006. – С. 38–43.

4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. – М. : Кучково поле, 2012. – Т. 2 : Происхождение и начало войны. – 1008 с.

5. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Манькина. – М. : Издательство Московского университета, 2014. – 816 с.

6. Сергеев, Е. Ю. Версальско-Вашингтонская система международных отношений как попытка создания бесконфликтного миропорядка / Е. Ю. Сергеев // Исторические исследования. Электронный журнал исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. – 2020. – № 15. – С. 237–246.

7. Мальков, В. Л. Версаль: дипломатический эпилог войны / В. Л. Мальков // Мировые войны XX века : в 4 кн. – М. : Наука, 2002. – Кн. 1 : Первая мировая война: исторический очерк. – С. 608–623.

8. Магадеев, И. Э. Проблема стабильности версальского порядка в Европе в оценках российской историографии / И. Э. Магадеев // 25 лет внешней политике России» : сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.) : в 5 т. / под общ. ред. А. В. Мальгина ; [науч. ред. А. В. Ревякин]. – Москва : МГИМО–Университет, 2017. – Т. 3 : История международных отношений: актуальные проблемы отечественной историографии. – С. 47–75.

9. Зубачевский, В. А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): Геополитический аспект / В. А. Зубачевский. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2018. – 396 с.

10. Наумов, А. О. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы / А. О. Наумов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 416 с.

11. Ахтамзян, А. А. Профили рапалльской дипломатии (очерки) / А. А. Ахтамзян. – М.: МГИМО–Университет, 2009. – 288 с.

12. Михайленко, В. И. Версальско-Вашингтонская система / В. И. Михайленко, Т. П. Нестерова. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. – Часть 1 : Первая мировая война и становление Версальско-Вашингтонской системы. – 131 с.

13. Романова, Е. В. Международные системы середины XVII – первой половины XX века в современной российской историографии: проблема типологии / Е. В. Романова // 25 лет внешней политике России»: сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.): в 5 т. / под общ. ред. А. В. Мальгина ; [науч. ред. А. В. Ревякин]. – Москва : МГИМО–Университет, 2017. – Т. 3 : История международных отношений: актуальные проблемы отечественной историографии. – С. 148–173.

14. Яжборовская, И. С. От войны 1919–1921 годов к миру и изживанию ее синдрома / И. С. Яжборовская // Забытый мир: Рижский договор 1921 года: интерпретации и споры: Научное издание / Под ред. С. Дембского, А. В. Мальгина (русское издание). – М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2014. – С. 51–66.

15. Наринский, М. М. Советско-польская война и Рижский мир 1921 года / М. М. Наринский // Забытый мир: Рижский договор 1921 года: интерпретации и споры: Научное издание / Под ред. С. Дембского, А. В. Мальгина (русское издание). – М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2014. – С. 30–50.

УДК 94(476)“1921/1939”

В. М. Бароўская

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, г. Мінск

БЕЛАРУСЬ І САВЕЦКА-ПОЛЬСКІЯ АДНОСІНЫ Ў 1933–1939 ГАДЫ

Падпісаны ў ліпені 1932 г. “Дагавор аб ненападзенні” СССР і Польшчай, завяршаючы адзін з этапаў савецка-польскіх адносін, мог стаць асновай для іх уздыму на новы і больш высокі ўзровень. Савецкі